

ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ И. СЕЛЬВИНСКОГО

Л. А. Рустемова

Крымский государственный инженерно-педагогический университет

В статье рассмотрена проблема традиций классики в русской литературе. Внимание уделено природе преемственности пушкинского творчества в поэтических текстах И. Сельвинского.

Ключевые слова: преемственность, традиция, аллюзия, реминисценция, жанр

У статті розглядається проблема традицій класики в російській літературі. Увага приділена природі спадковості пушкінської творчості у поетичних текстах І. Сельвінського.

Ключові слова: традиція, аллюзія, ремінісценція, жанр, спадковість

The article deals with the problems of classical traditions in Russian literature and it is also focused there the problem of succession of Pushkin's creative activity in the poetic verses of Igor Selvinskii.

Key words: succession, tradition, reminiscence, genre, hint

Постановка проблемы. Известное, ставшее крылатым выражение критика XIX века А. Григорьева – «Пушкин – наше все...» – во многом служит объяснением, почему вся русская литература воспринимается на фоне Первого поэта России. Ни один автор не мог не писать с учетом творчества Пушкина с оглядкой на создателя «Руслана и Людмилы» и «Евгения Онегина». Стремительное завоевание и подчинение стиху разных сфер и явлений жизни, легкость и прозрачность пушкинской лирики стали достоянием национальной культуры художественного слова и определили развитие русской литературы. Отношение к классическому наследию является свидетельством нравственной и эстетической природы творчества любого писателя. В этом важность и значимость поставленной проблемы о природе преемственности пушкинских традиций в литературе XX века.

Пушкинское присутствие явно ощущается в лирике самобытного поэта И. Сельвинского, чья жизнь и поэтическая судьба крепкими узами связана с Крымом («Евпаторийский берег – берег муз, где занялась любовь моя и песня!»). Так уже случилось, что с юных лет и на протяжении всей жизни Пушкин будет сопровождать И. Сельвинского. С его именем связаны первые впечатления детства. В известных автобиографических заметках «Черты моей жизни» Сельвинский вспоминает, что начал писать стихи, когда ему, девятилетнему, подарили перо, на котором была отгиснута голова Пушкина, и он переписал этим пером стихи поэта в свою тетрадку. А в лирических произведениях Сельвинского находим упоминание о голубом пере черного лебедя:

Не его ли пушистой негой,
Поколенью в укор моему,
Был написан «Евгений Онегин»,
Гордый «Демон» и «Горе уму».
 Так поднять ли его, голубое,
 И конец положить суете?
 Нет, останусь самим собою
 Век не тот и задачи не те. [1, с.139]

В этой связи ценным представляется высказывание Л. Озерова о том, что «весь корпус сочинений И. Сельвинского, все его строки рождены и взлелеяны стихией русской народной поэзии, помноженной на классические традиции, восходящие к Пушкину и Лермонтову, Некрасову и Блоку». [2, с.10]

Сопоставление творчества Пушкина и И. Сельвинского стало предметом рассмотрения данной статьи, **цель** которой – выявить природу преемственности пушкинского наследия в текстах Сельвинского, установить традиции, на которых держалась русская литература XX века. Давая обоснование правомерности подобного подхода к явлениям художественной жизни, известный критик А. Жолковский писал, что «сопоставление типологически сходных явлений в произведениях разных авторов открывает новые возможности для прочтения каждого из них». [3]

Следует отметить, что почти все исследователи, обращавшиеся к творчеству И. Сельвинского, прежде всего говорят о новаторстве его поэзии [4]. Или, как в случае с Л. Озеровым, высказанная мысль о традициях не получает должного подкрепления в конкретном анализе творчества поэта. Действительно, идейные, духовные, художественные искания Сельвинского отмечены экспериментаторством, поиском своей муз «лица необщим выражень» (Е. Баратынский).

Современник бурных общественных сдвигов эпохи начала XX века, поэт начинал свой творческий путь в сложной обстановке, когда в столкновении литературных школ и направлений расшатывались традиции, классиков, Пушкина, Лермонтова... «сбрасывали с корабля современности» и создавались новые поэтические формы. С 1921 года Сельвинский, тогда еще студент Московского университета, находится в

атмосфере литературной борьбы. Вместе с группой молодых поэтов он возглавляет литературное направление, получившее название конструктивизм.

Конструктивизм противопоставил себя всему остальному искусству как сфере «пассивной», утверждая свое право на жизнь как действенное, «активное» искусство современности, поскольку художник конструктивист не ограничивался только отражением действительности, а стремился, «разрушив изнутри старые мешанские устои, организовать новые формы бытия через воспитание нового конструктивного человека» [5]. Новое время и новые задачи, которые оно ставило, требовали воплощения в стихе, соответствующем запросам эпохи. Осознание значения традиции, освоения опыта классики как основы собственного творчества к И. Сельвинскому придет позже.

И здесь первое место, бесспорно, будет принадлежать Пушкину.

Для Сельвинского Пушкин – высший идеал, образец поэтического мастерства.

В воспоминаниях современников поэта есть строчки, свидетельствующие о том восхищении и благоговении, которые испытывал Сельвинский к автору «Евгения Онегина». Объясняя на примере пушкинской поэмы «Домик в Коломне» что такое анжанбемон, Сельвинский воскликнул: «Подумать только: ведь это написано сто лет назад! Какая легкость, какое изящество! Какая удивительная свобода разговора! Какой ум! Боже мой, боже мой! Что же делать? Что делать нам?... Он был возбужден, растерян, ходил по комнате большими шагами, тер лоб. Всю самоуверенность, казалось, смыло с него...» [6].

Авторитет Пушкина, масштаб его личности, сила поэтического дара, гармоническое равновесие его лирики не могли не влиять на молодого автора. Он тяготеет к Пушкину и одновременно боится раствориться в нем. Отсюда стремление дистанцироваться и осознать свое место в литературе. Об этом свидетельствует и запись в дневнике, сделанная Сельвинским осенью 1933 года: «Читая Пушкина-поэта, видишь, как много он знал. Знакомясь с Пушкиным-человеком, не открываешь ничего нового – все, что он знал, он вкладывал в стихи. Потому-то поэзия Пушкина так полноводна, разнообразна и довольна собой. Она не раздражительна. Она сыта. Она избрала все то, что было необходимо изобрести для нагрузки пушкинской эрудиции. Себя я причисляю к пушкинскому типу поэта. Но характер моей эрудиции более резок, более ярок, если угодно – более конкретен и груб, чем знания, необходимые поэту пушкинской эпохи...»

Сельвинский принадлежал к той плеяде поэтов, с которых начиналась русская советская литература, тем интереснее представляется вопрос о его внутренней связи с Пушкиным, которая нашла выражение в переключке тем, мотивов, образов, аллюзиях и реминисценциях. Их пристальный анализ позволяет установить степень актуальности поэтического наследия Пушкина для Сельвинского. Для начала остановимся на некоторых наблюдениях, связанных с большей насыщенностью текстов Сельвинского явными и скрытыми пушкинскими источниками, как характерной особенностью его лирики. Так, в стихотворении «Крым» пушкинская тема проявляется в форме аллюзии:

Здесь моя девушка пела, бледнея
На красном занде у самой воды,
И сладострастные волны за нею
Лизали божественные следы [1, с.236]

Тот же образ в «Триолете»: «Девушка у моря бродит с тихим пеньем» [1, с.32]

Иногда пушкинское присутствие ощущается как парафраз. Пример тому – стихотворение «Гурзуф» из «Крымской коллекции» поэта:

И с белой башенкой мечеть,
В зеленой шубе Даг –
То брызнут так,
Будто течь,
То стихнут... Грусть...
Тоска и грусть.
Меж стихий
Он подзывал свои стихи
Под скрипы мерных бригадин
У серых груд
Один.
Здесь он искал
Свои стихи,
Как ищут камни. И они
То зажигались, как огни,
То, как тоска,
Тихи. [7, с.25]

Лирическое отступление в романе в стихах «Пушторг» несет в себе произвольное, «литературное припоминание» о Пушкине, художнике и человеке, его милой поэтической шалости – набрасывать на полях рукописи профили женских головок – черта, присущая и автору произведения:

А я люблю набрасывать женщин,
Ласкать небрежным карандашом

Их плечи, окатанные, как жемчуг,
В лисицах с дымчатою душой –

....

О, эти ножки, елочки, галки,
О, эти женские имена,
Магическое бормотанье гадалки
Порой одурманивающее меня.... [8, с.545]

Так же органично и естественно звучит пушкинский текст в стихотворении военных лет «Лебединое озеро», где речь идет о всепобеждающей силе русской классики. Среди руин и развалин разрушенного города звучит музыка Чайковского, напоминая о жизни, красоте, гармонии:

Сквозь эту ночь и этот траур,
Невероятный этот быт –
Смычки легко затрепетали,
И, нежно выгибая тальи,
В просветах голубых полос
Лебяжье стадо понеслось.

....

Блистательны, полувоздушны,
Смычку волшебному послушны,
То стан совьют, то разовьют,
И быстро ножкой ножку бьют.... [1, с.223]

Ко многим лирическим произведениям Сельвинского эпиграфом служат слова пушкинского текста. Так, например, стихотворение «Давайте помечтаем о бессмертье» начинается со строк: «Но не хочу, о други, умирать...» из «Элегии» Пушкина («Безумных лет угасшее веселье»). Сонет («Душевные страдания как гамма...») снабжен преамбулой: «А я любя был глуп и нем...».

Пушкинские строки, поставленные в начале, задают определенное отношение, оживляя в сознании читателя некоторое ожидание, которое в дальнейшем и реализуется в тексте стихотворения Сельвинского. В первом случае получает развитие пушкинская философская тема жизни, смерти и бессмертия. Второе стихотворение вводит читателя в круг пушкинской любовной лирики, богатой разнообразными оттенками человеческого чувства, где и наслаждение от одного созерцания красотой, и мучительная сладость воспоминаний, и тоска в разлуке, и раскаяние, и ревность.

Другим типом текстовых схождений в лирике Сельвинского является «сознательная» цитация произведений Пушкина, когда в название произведения берется пушкинская строка. Примером служит стихотворение «Уж небо осенью дышало...» Название входит в структуру произведения и отсылает читателя к роману Пушкина «Евгений Онегин», вводя его в круг рассуждений о поэзии, о праве художника на отражение всего многообразия жизни, высокого и низкого, обыденного. По-пушкински звучит и сам стих, развивая глубинную мысль поэта:

Еще во мне шаманствует колдун,
Но каждый выдох для меня канун...
Уж я ценю душевный свой уют,
Поэмы не бросаю в переплавку
Я, как домашняя хозяйка в лавке,
Беру от жизни все, что выдают.. [1, с.395]

Одно из звеньев содержательной формы произведений Сельвинского составляют реминисценции из Пушкина. Они реализуют культурно-художественную проблематику многих его стихотворений и потребность автора в художественно-образном отклике на мир пушкинских идей и мыслей. Иногда отсылка к тексту Пушкина выражает осмысление и оценку поднятой поэтом темы и звучит как литературно-критическое выступление в рамках собственно художественного текста. Стихотворение Сельвинского «Муза» имеет довольно развернутый эпиграф: «Розовеньким, толстеньким, сереньким критикам, а также критикам переливчатого цвета «шанжан» посвящает поэт взволнованный свой разговор с читателем», прямо перекликающийся с произведением Пушкина «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», где провозглашается право художника на свободу творчества и утверждаются принципы реалистического искусства. Важная для обоих художников тема поэта и поэзии звучит и в стихотворении «Декларация прав». Сельвинский вслед за Пушкиным говорит о том, что его муза, рожденная на «побережье письменного стола», – это «божественный глагол, что совесть человеческую будит».

Некоторые реминисценции отсылают читателя к фактам биографии Пушкина, литературной жизни. К стихотворению «Завещание» предпосланы слова:

«Оказывается в ту ночь
Наталья Николаевна была
У Дантеса
Литературный Икс».

Читатель знает, что сплетня, клевета, пущенная недоброжелателями, убила гения России, она способна погубить каждого, кто осмелится пойти против мнения толпы. Наиболее уязвим и доступен ей поэт. В

самом стихотворении звучит тема пушкинского программного произведения «Пока не требует поэта...». Природа поэта несовершенна, как и природа каждого человека. Он разделяет со своими современниками их тревоги, страсти, труды, слабости и предрассудки. Но есть еще творчество, и в своем творческом акте поэт недостижимо высок:

... Моя ль вина,
Что пока не требует поэта
Аполлон, – я тоже человек?
Эпохальная моя примета
Только в сердце, только в голове!. [8, с.333]

Темы, мотивы, образы пушкинской поэзии явились для Сельвинского естественной формой собственных поэтических раздумий и воплощений. Одна из важнейших – тема родины. Особое звучание она получает в стихотворении «Отчизна» (1941). Переключка с Пушкиным подчеркнута уже эпиграфом:

Два чувства равно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Известно, что произведение имело две реакции. Первоначальный рисунок образа родины переключался с пушкинским образом «Медного всадника», коня, подъятого над самой бездной...

Хочет обезумев конь.
Фугасы хлынули косые...
И снова по уши в огонь
Влетали мы с тобой, Россия...

С таким началом стихотворение было опубликовано во фронтовой газете, в «Красной звезде», журнале «Октябрь», «Известиях». Во второй редакции поэт снимает эти строки. По словам О.Резника, Сельвинский объяснял это тем, что образ коня уже есть в поэме «Улялаевщина». Но даже в измененном варианте переключка с Пушкиным, диалог с ним остались.

Сельвинский сохраняет традиционные образы, поэтические формулы, вызывающие у читателя определенную эмоциональную реакцию и определенный комплекс представлений.

Выводы. Поэзия Пушкина была глубоко усвоена Сельвинским, и отголоски ее, то явные, то едва уловимые, возникали во многих его произведениях на протяжении всего творческого пути: настойчивое обращение к пушкинским текстам находит объяснение в том, что для Сельвинского они всегда осознавались как высочайшие образцы искусства, как эталон, вершина поэтического мастерства. Но это не было стилизацией, подражанием. Сельвинский не стремился к адекватности воссоздания пушкинской художественной манеры. Вот почему большой реминисцентный пласт пушкинских произведений в лирике поэта, при всей своей огромной значимости, нельзя абсолютизировать и рассматривать как доминирующий в его творчестве. Опираясь на классические образцы, Сельвинский оставался открытым для современности, поэт входил в контакт не только с пушкинской поэзией, но и «внехудожественной» реальностью своей эпохи, пытался выработать свой слог, свое поэтическое лицо. Это и позволило ему занять достойное место в русской литературе XX века.

Литература:

1. Сельвинский И. Избранные произведения. В 2 т. – Т.1. – М., 1989.
2. Озеров Л. // Сельвинский И. Избранные произведения. В 2 т. – Т. 1. – М., 1989.
3. Жолковский А. Блуждающие сны. – М., 1992. – С.4.
4. Резник О. Творчество И. Сельвинского: жизнь в поэзии. – М., 1981
5. Кожинов В. Стихи и поэзия. – М., 1980.
6. От символизма до «Октября». – М., 1924. – С. 258.
7. О Сельвинском. Воспоминания. – М., 1982. – С. 48-50.
8. Сельвинский И. // Крымские пенаты. – Симферополь. – 1996. – №2.
9. Сельвинский И. Избранные произведения. – Л., 1972.